

ИРКУТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ  
СИБИРСКО-КОРЕЙСКИЙ ЦЕНТР  
КАФЕДРА АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОЛОГИИ  
ИРКУТСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ АРХЕОЛОГИИ И  
ПАЛЕОЭКОЛОГИИ СО РАН - ИГУ

**АРХАИЧЕСКИЕ И ТРАДИЦИОННЫЕ  
КУЛЬТУРЫ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ.  
ПРОБЛЕМЫ ПРОИСХОЖДЕНИЯ И  
ТРАНСКОНТИНЕНТАЛЬНЫХ СВЯЗЕЙ**

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ СЕМИНАР  
Апрель 22-28, 2000

ПРОГРАММА  
МАТЕРИАЛЫ ДОКЛАДОВ

ИРКУТСК - 2000

Г.И. Медведев, Е.А. Липнина,  
В.М. Новосельцева, П.Е. Шмыгун  
Иркутская лаборатория археологии  
и палеоэкологии ИАиЭ СО РАН-ИГУ  
Иркутский государственный  
университет

## О МЕЗОЛИТЕ. - В КОТОРЫЙ РАЗ?!..

### Преамбула

**МЕЗОЛИТ** - гр. *mesos* - средний + *lithos* - камень; англ. *mesolithic*; фр. *le mesolithique*; нем. *Mesolithikum* - буквально «средний камень». В археологии каменного века Евразии *мезолитом* именуют этап развития древних ископаемых культур, занимающих промежуточное положение между палеолитом и неолитом; мезолиту сообщается роль «переходного периода» или звена от «века оббитого камня» к «веку полированного камня и керамических изделий». Геологическое время существования культур мезолита определяют от самого окончания последнего наступления плейстоценового ледника до самого начала геологической современности - голоцена включительно, что в абсолютных датах будет соответствовать 14000-9000 лет от н.д.

В археологической литературе о хронометрии мезолита высказывались в разное время многие другие мнения. Предлагалось нижнюю границу мезолита провести на уровне 20000 лет от н.д., а верхнюю поднять до 7000 лет от н.д. В противолежащей редакции этап мезолита помещали в рамки 10-8 тысячелетий. Вопрос датирования временных границ мезолитического периода едва ли возможно будет когда-нибудь поставить в принципиальную позицию и, тем более, ввести строгие рамки абсолютных датировок. У археологов нет единого мнения ни по существу обсуждаемого термина, ни по основаниям анализа технологического содержания фонда ископаемых артефактов местонахождений плейстоцен-голоценового времени, ни по принципам выделения «археологических переходных периодов». Впрочем,

конвенционального мнения по этим вопросам в «археологии мезолитического камня» никогда не было.

### **К истории**

Дж.Лебокок в 1865 г. предложил для оперативного пользования термины «палеолит» и «неолит». Термин «мезолит» не был назван, хотя трудно предположить, что Дж.Леббоку это слово было неизвестно. В 1871 г. в Египте, в Гелуане, близ г.Каира, были найдены изделия из кремня в виде «апельсиновых долек» и наконечники стрел из пластин. Находки сразу же вызвали споры: их нельзя было считать палеолитическими, но и нельзя было определить неолитическими. Они были «промежуточными». В 1873 г., восемь лет спустя после «палеолита» и «неолита» Дж.Леббока, М.Ребу предложил для соединения «поры простейших отщепов» и «поры полированных камней» в Европе определить «промежуточный», или «переходный», период и назвать его «мезолитом». Вероятно, классификационная потребность в «мезолитическом переходном периоде» во времена высказывания Дж.Леббока уже имела место и схема «палеолит-неолит» документировала исследовательский «hiatus» в европейском археологическом знании второй половины XIX в. о «периодизации ископаемых культур каменного века». В 1888 г. А.Карлайн назвал «мезолитом» микролитические ансамбли Индостана. В 1889 г. Ж.Эрве оповестил археологический мир Европы о «популяциях» мезолита и неолита в Испании и Португалии. В 1885 г. Е.Тате впервые провел раскопки на юге Франции в гроте Тарденуаз, а двумя годами позже - 1887 - Э.Пьетт открыл и начал раскопки грота Мас д'Азиль. Оба местонахождения в ансамблях каменных артефактов содержали микролиты «геометрических очертаний». Обоим местонахождениям в развитии глобальной мезолитической проблематики отведены были, как потом оказалось, «генеральные» роли. В 1891 г. Э.Пьетт копал грот Турасс, где обнаружил кремневый материал «азильского» облика. Последним из «пионеров» конца XIX столетия,

ратовавших за введение термина «мезолит», был, вероятно, А.Брайен (1892). Габриэль Мортилье (1894, 1897) термин «мезолит» не употреблял, «азильскую» версию переходного периода к неолиту не принял, отдав предпочтение «турасской эпохе». «Мезолитическая увертюра» конца XIX столетия имела финалом некоторое разногласие в стане исследователей. Тур «вальса» с мезолитом в XX в. длительностью в 100 лет начался открытием и раскопками Ж.Сарово (1900) в Маглемозе при Муллерупе (Дания). В этом же году А.Мэдсен и С.Мюллер опубликовали результаты раскопок в Эртебелле, что на полуострове Ютландия, там же в Дании. С открытием и предварительным изучением прибрежного, и уже тогда в достаточной очевидности самого финального, мезолита - «раковинных куч» - «корзина оснований» мезолитической периодизации была, за малым исключением, наполнена и общий «скелетный» порядок периода означен. Работы Ж.де Моргана (1904, 1909) и Г.Обермайера (1904, 1913) обобщили достижения мезолитических изысканий конца XIX - начала XX вв. в Западной Европе и ввели в проблематику мезолита культурно-исторические и эконом-географические мотивы. Ж.де Морган с одинаковым успехом видел и пустынных мезолитических номадов «капсия» (его же термин), и арктические орды мезолитических дикарей, хлынувших, якобы, в Европу из-за Урала с окончанием ледникового. На северо-востоке, востоке Европы и в Российской Азии будущие «мезолитические» объекты открывались, фактически, одновременно западноевропейским, порой даже раньше: местонахождение Кунда на самом севере Эстонии раскапывалось К.Гревинком в 1870-1872 гг.; серию крымских мезолитических гротов в те же годы исследовал К.Мережковский, Верховенскую Гору на р.Ангаре под Иркутском в 70-90-е годы непрерывно «обрабатывали» М.Овчинников и А.Еленев. Но мезолитических мотивов в тематике изысканий тогда не обнаруживалось, и статус гражданства мезолит обрел здесь лишь в 20-е годы XX в. В 1921г. С.Круковский в 20 км на юго-запад от Варшавы открыл

местонахождение Свидри Вельки и с этим фактом в европейский археологический фонд вошла свидерская мезолитическая культура. Этому событию как будто ждали. В 1924-1927 гг. в Прибайкалье Б.Петри писал о «бескерамическом неолите» Сибири, а В.Подгорбунский - о «мезолите» Верхоленьской Горы. М.Герасимов относил Верхоленьскую Гору к азийской стадии. В 1923 и 1925 гг. в далекой Северной Америке в штате Флорида в окрестностях г.Веро и г.Мельбурна были обнаружены местонахождения ископаемых каменных изделий вместе с костными остатками человека, тапира, черепахи. Открыватели - Ф.Лимис и Д.Чкали - обратились к главному в Америке тех лет «археологическому авторитету» антропологу А.Грдличке, который определил возраст находок «мезолитом». Таким образом, волна «мезолитической эпидемии» достигла и берегов Нового Света. На юге Восточно-Европейской равнины М.Рудинский в 1925-1927 гг. лесостепные ископаемые культуры с микролитами на Украине именовал мезолитом «азийско-свидерского» типа. На юге Франции Л.Кулонж в 1928 г. вновь пополнил французскую схему периодизации мезолита, открыв комплекс советерр. Советеррские изделия заняли место между азией и тарденуазом. В тот же год Дороти Гаррод открыла мезолит Вади Эль Натуф в Палестине, «породив» знаменитую «натуфийскую цивилизацию». В 1927 г. на севере Германии, в Гольштейне, 25 км северо-восточнее г.Гамбурга, у Аренсбурга Г.Швантес обнаружил местонахождения позднейшей палеолитической культуры, сформировавших представление об аренсбургском комплексе позднейшего палеолита или раннего мезолита на севере Европы 12-11 тысячелетий. В числе этих объектов - знаменитый Штельмоор. В том же 1927 году Г.Швантес в Дании на о.Зееланд в местности Бромме, на древнем ископаемом побережье теперь уже отступившего моря обнаружил местонахождение древней культуры, получившей одноименное название «Бромме группа» или «бромменский комплекс» Возраст позднее определили Аллерёдом - Дриасом III (12000-10000 от н.д.). Образовалась интереснейшая

культурно-хронологическая «связка» - Бромме - Аренсбург - Линг би. В 1933 г. Г.Поппинг и затем Г.Швабедиссен вводят в научный оборот материалы «цивилизации Федермессер», охватившей «ископаемые территории» северо-запада Германии, Голландии, Бельгии. Эти материалы позднее Г.Швабедиссен считал основой мезолита севера Европы, объединив эту их значимость с таковой же значимостью Аренсбургской культуры.

В 1928 г. М.Герасимов открыл многослойное местонахождение в месте впадения р.Белой в р.Ангара - опорный объект изучения «сибирского мезолита» в будущие годы. В том же году в г.Хабаровске у «японских траншей» М.Герасимов обнаружил самый Восточный в Евразии азильский комплекс, близкий по облику Верхоленской Горе: нынешняя Осиповка. В 1929 г. на северо-западе России у оз.Лача, из которого выпадает р.Онега, М.Фосс обнаружила местонахождение, ставшее ныне «жемчужиной северного мезолита» - Веретье. В те годы, правда, М.Фосс сочла самое северное местонахождение мезолитической Европы неолитическим.

В 1931 г. Ж.Гури предложил термины «эпипалеолит» и «протонеолит», или «пренеолит», которыми удобно означить ранний отдел «мезолита» (Аренсбург, Бромме, Азиль) и финальную его фазу (Маглемозе, Эртебелле). В том же году Л.Савицкий (1931) определил основным методом изучения мезолита «литоморфологический» и настаивал на исключении из типологического анализа инвентаря мезолитических комплексов предметов «костяных индустрий». В 1931, 1932 гг. С.Толстов начертил основные контуры «трансконтинентальной» схемы хозяйственного районирования мезолитического времени. В этой схеме заложена идея «мезолитических оснований» неравномерности социально-экономического развития общества в комбинациях : охота - озерно-речное рыболовство; охота - предгорное земледелие; охота - степное скотоводство; охота - морской промысел, возникновения механизма регулярных обменных связей между

«разнохозяйственными популяциями». С.Толстов пошел дальше: он отыскивал в мезолитической ситуации социальные корни *ислама*.

Нет сомнений в том, что пытливый поиск в мировом научном багаже тех лет обнаружит вдруг сходные позиции и других археологов. Это интересно, но существенно другое: к рубежу 20-30-х годов XX столетия все «физические основания» мезолитической системы в Евразии были принципиально сформированы: от Эль Натуфа и Капсия до Веретья, и от Эртебелле и Кунда до Хабаровска простиралось «мезолитическое пространство». «Букет» мнений о содержании «переходного периода» от палеолита к неолиту в терминологическом, хронологическом аспектах, культурных (морфотехнологических) и социально-хозяйственных (экономико-географических) интерпретациях был, по существу, тематически разноориентированным, а потому казался противоречивым. Эта особенность подходов к оценке «плейстоцен-голоценовых» комплексов живет до сего дня.

Изложенный конспект ситуации в археологическом знании начала 30-х годов позволяет сказать, что сформировавшиеся мнения о возрасте, техноморфологии, социальном содержании фонда физических достоверностей, известных к этому периоду, явились фундаментом того состояния мезолитической проблематики всех последующих периодов истории изучения ископаемых культур плейстоцен-голоценового возраста, которые А.Брюсов (1962) удачно определил «мезолитической неурядицей» в археологии. Все региональные «мезолитические» открытия в Евразии и разнообразие интерпретаций материалов этих открытий в 30-х - 80-х годах XX в. так или иначе «базировались» на подходах Ж.Гури, Л.Савицкого, С.Толстова: либо на одном из них, либо на их комбинациях, порой весьма причудливых, либо эти подходы, с разной степенью успеха, пытались углубить.

От 30-х годов в западноевропейской археологии начинается пора «стационарных», масштабных полевых исследований «открытого и уже

систематизированного мезолита» на его наиболее «представительных» местонахождениях: Мас д'Азиль (1935, М. и С.Пекварт), Штельмоор (1933-1935 гг., А.Руе), Свидри Вельке (1930 - 1936 гг., С.Козловский) и др. Этот же процесс захватывает и европейскую часть СССР. Наиболее авторитетным выразителем «мезолитического предприятия» в советской археологии наряду с С.Толстовым, был М.Воеводский (1934, 1940, 1950). Для тех, теперь уже далеких, времен его можно даже определить «ведущим» специалистом в проблематике мезолитической археологии Советской Восточной Европы. Он был сторонником идеи «медленного вживания» палеолитического хозяйства в неолитическое и, стало быть, плавного перехода палеолитических каменных индустрий в мезолитические. В общем, он был против наименования культур «переходного периода» от палеолита к неолиту в лесной и лесостепной Восточной Европе мезолитом. Он полагал эти культуры эпипалеолитическими свидерского технокультурного типа. Позиция М.Воеводского выражала не только мнение части советских археологов. Она была достаточно широко распространена в среде западноевропейских специалистов, особенно сильна в африканской археологии позднейших палеолитических штудий. Фактически, произошла подмена смысла термина эпипалеолит, который был призван играть роль «мягкого соединения» палеолита с мезолитом. По Ж.Гури (1931) это должен был быть «переходный период нижнего положения в «генеральном» переходном периоде». Эпипалеолит распространили на весь этап «отводимый» мезолиту.

Здесь можно увидеть истоки «оппонирования» термину мезолит во все последующие времена ушедшего века, прежде всего, в Российских археологиях.

Десятилетия после второй мировой войны были весьма продуктивны для всей территории Европы и Северной Азии и в масштабных раскопочных работах отдельных объектов, и в построении региональных схем

«мезолитической истории общества», географических и этнокультурных вариантов, определении социально-экономических региональных особенностей мезолитических комплексов, их взаимных влияний, уточнений в содержании термина и т.д. (Толстов, 1948; Чайлд, 1952, 1956; Кларк, 1953; Брюсов, 1952, 1962; Формозов, 1957, 1959, 1959а; Бадер, 1960, 1965; Бутомо, Ранов, Сидоров, 1964 и др.). В то же время, территории Востока советской Евразии, и в целом весь Дальний Восток, испытывали вполне определенное отставание в разработке «мезолитической проблематики» и ее проекции на конкретные тематические изыскания. Нельзя сказать, что концепция А.Окладникова о «затянувшимся» «прогрессивном» палеолите Сибири (Окладников, 1950), смонтированная из мнений своих иркутских коллег - 20-30-х гг. и в идейной направленности во след М.Воеводскому, была тормозом теоретическому осмыслению фактических археологических материалов. Но она объединила версии разных оттенков и определила дно из «антимезолитических» направлений, реально существующее по сей день. Его наиболее контрастным вариантом является идея «голоценового палеолита», идущая от А.Рогачева и реализованная в научной литературе Ю.Мочановым (1977). Далее следуют собственно «мезолитические» вариации, выступающие то под флагом геоархеологических и хозяйственно-техноморфологических оснований, то провозглашающие псевдотехнологические позиции, то социально-экономические, вплоть до «революционных» (Медведев, 1964, 1967, 1971; Аксенов, 1967, 1981; Лынша, 1981, 1996 и др.). На «антимезолитическом» терминале «откровенно» находятся японские и американские археологи, хотя и там есть сторонники «мезостадий». Любопытно, что мезолитическая проблематика сейчас оккупирует активно Арктику и крайний Северо-Восток Евразии и развивается по кромке азиатического континентального побережья Тихого Океана и его морей. Движение «мезолита» продолжается.

**Так что же есть «мезолит»?**

Эволюция, безотносительно к избранному предмету научного рассмотрения, не предполагает «переходных периодов». Она производит события. «Периоды» создают сами исследователи. С позиции такого подхода быть «мезолиту» или не быть - дело каждого конкретного специалиста. Понятие «средний» - «мезос» - можно принять как единицу порядка в определенном ряду, а можно увидеть и так называемый «hiatus» - «провал» - состояние знания, порожденное ситуацией в археологии второй половины XIX в. В последнем случае, «средний» будет выражать состояние бессилия исследователей в достижении оптимального понимания. Даже сегодня, когда уже «вселенская мезолитическая корзина» достаточно полна фактами, сформулированного осознания проблемы нет. Подходы от техноморфологии («формальной типологии») не состоялись. О том писал убедительно еще Г.Чайлд (1949,1952,1956). Все «мезолитические формы» каменного инвентаря имеют многочисленные аналоги в палеолитических индустриях. Археологи исповедующие, якобы «технологический подход», обычно, лукавят, поскольку выдают за технологический анализ элементарное выстраивание случайных форм, то есть пользуются «реестровыми подходами» пресловутой типологии, только в «хаотическом исполнении». Подход же с позиций технологических редукционных стратегий вообще уводит истоки технических оснований за нижнюю отметку границы верхнего плейстоцена. «Мезолит» в камне теряет тогда всякий смысл. Для убедительности можно добавить, что поскольку каменная индустрия, как и все в «живой», «неживой» и «технологической» природе, подвержена неукоснительному действию «закона миниатюризации», то «микролиты» мезолита не «порождение эпохи», а завершение последовательного технологического «ряда» или «рядов», поднимающихся из грядущих «эпох». Остается «хозяйство», интерпретацию которого по ископаемым косвенным данным можно определить едва ли не самым увлекательным сюжетом в мезолитических полемиках. Но этот сюжет, отнюдь, не археологический.

Нет никаких сомнений в том, что история народонаселения Земного Шара в плейстоценовые времена 20-10 тысячелетий от н.дн. имела массу своеобразных фактических особенностей, которые в разных аналитических ракурсах могут обеспечить интересные, важные, неожиданные выводы. Археологический мировой фонд этого периода уже можно назвать «системой». Это вторая после «мустье» планетарная *«геоархеологическая система»*. Но «комплектующие компоненты» мезолитической системы уже не подвластны управлению одними только данными археологической и геологической седиментации как это обычно «принято в палеолите». В 1949г. Г.Чайлд «повторил» С.Толстова, определив мезолит «собирательством». В 1952 г. Ю.Липс назвал начальный период мезолита «усложненным» собирательством, в 1968 г. В.Башилов определил мезолитический этап в развитии общественных экономик временем сложения и функционирования «продуктивного типа» хозяйства, «комбинирующего» два или несколько направлений в эксплуатации. Он теоретически «обогастил» идею С.Толстова 1931 года издания о «мезолитическом разнохозяйствовании» и тезис В.Массона от 1962 г. - «все общества мира с обязательностью прошли через комбинацию охоты и рыболовства». В 1968-71 гг. Г.Медведев построил концепцию мезолитического развития ископаемого общества Прибайкалья «на костях косули и осетра» (буквальное выражение Г.Григорьева). Его «удачно повторил» М.Аксенов, выполнив специальное «мезолитическое» обоснование для Верхоленской Горы, только уже на «костях благородного оленя и сига рыб» (1980).

Итогом этого краткого эссе можно принять формулировку: то явление, какому присвоено имя «мезолит можно принять как геоархеологическую систему физически достоверных данных о состоянии геологических отложений 20-10 тысячелетий от наших дней и вмещенных в них артефактов, в интерпретации которых принимают участие геологическое, палеонтологическое, палеоклиматическое, археологическое, этнологическое,

социологическое промыслово-хозяйственное, экономическое направления современного знания. В зависимости от аспекта рассмотрения, этому периоду могут быть сообщены наименования: «культурные отложения плейстоцен-голоцена 20-10 тысячелетий от н.д.», «ансамбли, комплексы микролитических изделий или форм микролитов»; «геометрических форм изделий» «охотничье-рыболовецкие инвентари», «культуры охотников-собирателей предгорных и остепненных территорий», «культурные остатки лесных, речных рыболовов и морских охотников», «техногенные образования раковинных куч», «мультислойчатые культурные образования речных устьев, морских дельт, конусов выноса» и т.д. Сколько бы не пытались археологи объединить все это разнообразие под термином «мезолит», «эпипалеолит», «протонеолит», «культуры позднеледниковые» и т.д. это будет попросту «авторской постатейной фигурацией». Все эти словосочетания сегодня в археологии могут жить, как впрочем и ранее, крайне условными терминами свободного употребления.

### Эпилог

В мире геоархеологов, как будто нет сомнений в том, что от 19 до 12 тысячелетия тому назад произошли значительные изменения климатической обстановки на планете, выразившиеся в усилении криотектоники, ветровой деятельности, «остепнении» и даже «опустынивании» ландшафтов. В Европе это дриас I—III, в Северной Азии сартан III-IV. Эти изменения, имевшие пик развития в 16-14 тысячелетиях, привели практически, повсеместно, к формированию дюн и барханов, образующих специфику современного рельефа и значительно повлияли на жизнь плейстоцен - голоценового человека. Интенсифицировались процессы географических и «гипсометрических» перемещений людских групп, прежде всего, к водоемам на песчаные пляжи, низкие поймы, эоловые «холмы».

Возвращая читателя к многоаспектности содержания термина - приставки «микро», можно говорить о том, что «микрослойчатые»

культурные образования этой поры в эоловом, аллювиальном и склоновом генетических продуктах геологических напластований – косвенное свидетельство «микроритмики» в «микрохозяйственных» занятиях, в «микротехнологиях». Они с необходимостью предполагают и разнообразие исследовательских «микроподходов» в изучении ископаемых культур этого интересного геоархеологического периода в полевых и камеральных обстановках.

Какой термин будет избран соответствующим для того, чтобы означить конкретный итог плюралистических изысканий в этой синтетической области знания, не имеет принципиального значения. Но «мезолит», видимо, «неистребим» в социально-экономических, «искусствоведческих» этапных интерпретациях, в попытках этнологов реконструировать географию современных «традиционных культур», проследить этиологию технического содержания. И в школьных, и в вузовских учебниках XXI века, наверное, еще долго формы и существо событий в человеческом обществе конца плейстоцена – начала голоцена будут именовать «мезолитическими».

### *Литература*

*Алиман А.* Доисторическая Африка. – М., 1960.

*Береговая Н.А.* Палеолитические местонахождения СССР. М., 1960. – (МИА-№ 81).

*Воеводский М.В.* К вопросу о ранней (свидерской) стадии эппалеолита на территории Восточной Европы. // Тр./II междунаrod. конф. АИЧПЕ. – М.; Л.; Новосибирск, 1934.

*Воеводский М.В.* К вопросу о развитии эппалеолита в восточной Европе. – С А. – 1940. – № 5.

*Воеводский М. В.* мезолитические культуры Восточной Европы. – М., 1950. – КСИИМК, 31.

*Кольцов Л.В.* Финальный палеолит и мезолит Южной и Восточной Прибалтики. – М., 1977.

*Ларичева И.П.* Палеоиндейские культуры Северной Америки. – Новосибирск, 1976.

*Мезолит СССР.* Археология СССР. – М, 1989.

*Мезолит* Верхнего Приангарья. – Иркутск, 1971. – Вып.1.

*Мезолит* Верхнего Приангарья. – Иркутск, 1980. – Вып. 2.

**Мочанов Ю.А.** Древнейшие этапы заселения человеком Северо-Восточной Азии. - Новосибирск, 1977.

**Ошибкина С.В.** Мезолит бассейна Сухоны и восточного Прионежья. - М, 1983.

**Окладников А.П.** Освоение палеолитическим человеком Сибири.// Материалы по четвертичному периоду.- М.; Л., 1950. - Вып. 2.

**Толстое С.П.** Проблемы родового общества.// СЭ. - 1931.- № 3-4

**Толстое С.П.** Очерки первоначального ислама.// СЭ - 1932. - № 2.

**Формозов А.А.** Этнокультурные области на территории Европейской части СССР. - М, 1959.

**Формозов А.А.** Проблемы этнокультурной истории каменного века на территории Европейской части СССР. - М., 1977.

**Фосс М.Е.** Стоянка Веретье.// Тр. /ТИМ.- М, 1941. - № 12.

**Чайлд Г.** У истоков европейской цивилизации.- М., 1952.

**Чайлд Г.** Древнейший Восток в свете новых раскопок. - М., 1956.

**Clark J.G.D.** Mesolithic Prelude. - Edinburg, 1980.

**Filip. Jan.** Enzyklopudishes Handbuch zur Ur - und Fruhgeschichte Europas. - B.I-II, Prag, 1969.

**Gouty G.** L' Homme des cites lacustres. - Paris, Picard, 1931.

**Leroi-Gourhan. A.** Dictionnaire de la Prehistoire. - Presses Universitaires de France, 1994.

**Morgan J.** De. Les premieres civilisations. - Paris, Leroux, 1909.

**Reboux M.** Des trois epoques de la pierre. - Bull. Soc. Anthropologic de Paris. - Paris, 1974.

**Rust A.** Die alt - und mittelsteinzeitlichen Funde von Stellmoor. - Neumunster, 1943.

**Schwabedissen H.** Die mittlere Steinzeit im westler Norddeutschland. - Neumunster, 1944.

**Schwabedissen H.** Das Alter der Federmesser - Zivilisation auf Grand neuer naturwissenschaftlicher Untersuchungen Eiszeitalter// Gegenwart, № 8, 1957. - P.200-209.